Текст · 11 сентября 2026, 07:07
Сергей Голубев,

Пытки током и встреча с Викторией Рощиной. Что украинская журналистка Ирина Левченко рассказала в суде по делу семьи Капраловых

Краткое содержание

- 10 сентября Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону вынес приговор Геннадию и Ольге Капраловым из Мелитополя. Российские силовики считают супругов участниками подпольной группы, готовившей в оккупированном городе теракты с применением химического оружия. 61-летнему Геннадию суд назначил 20 лет строгого режима, 53-летней Ольге — 18 лет общего.
- Накануне приговора Капраловым сторона защиты заявила ходатайство о допросе последнего свидетеля — 64-летней мелитопольской журналистки Ирины Левченко, которую 3 сентября учрежденный оккупационными властями Запорожский областной суд приговорил к 15 годам заключения по делу о шпионаже. Левченко дала показания по видео-конференц-связи из СИЗО-2 в Мариуполе.
- 6 мая 2023 года Левченко и ее мужа Александра похитили на улице в Мелитополе. Мужчину отпустили через год, а где находится журналистка, ее близкие не знали до лета 2025-го. Только в январе 2026-го, когда дело Левченко поступило в суд, стало известно, что ее обвиняют в шпионаже. Из-за постоянных этапов между разными СИЗО (в Донецке, Мариуполе, Симферополе

и Краснодаре) родные не могли поддерживать с ней сколько-нибудь регулярную связь.

• В суде Ирина Левченко рассказала, что в 2023 году российские силовики несколько месяцев удерживали ее в здании бывшего психоневрологического диспансера в Мелитополе. Как и других узников, ее пытали током. Там она встретила Ольгу и Геннадия Капраловых и Викторию Рощину — украинскую журналистку, которая позже погибла в российском плену.

• Описание секретной тюрьмы, которое дала в суде Левченко, в деталях совпадает с показаниями Геннадия Капралова. О том, что Рощину некоторое время удерживали в «гаражах» в Мелитополе, писали со слов ее сокамерницы *«Слідство.Інфо»* и «Важные истории». О пыточной «под мостом по дороге на Новый Мелитополь в помещении бывшего психоневрологического диспансера и в гаражах во дворе» сообщало в 2024 году РИА «Мелитополь».

Устанавливая в начале заседания личность свидетеля, судья Максим Никитин, кроме обычных вопросов (ФИО, дата рождения, место работы), поинтересовался, почему Ирина Левченко содержится под стражей.

— Ну, решили, что я шпион, — усмехнувшись, ответила она. — Третьего числа меня обрадовали приговором: 15 лет. Хотя я все домыслы разбила начисто, но кто бы слушал.

— Это по обвинению в какой статье? 275-я[1]? — уточнил судья.

— 276-я[2]! Я гражданка Украины, — ответила Левченко.

Она заверила, что не имеет причин для оговора Капраловых и назвала супругов «замечательными людьми».

После этого адвокат Оксана Ольгердт начала допрос свидетельницы и спросила, когда и где она познакомилась с Капраловыми.

«Ну, точную дату я сказать не могу, потому что познакомились мы с ними в так называемой яме. Это был город Мелитополь, улица Дзержинского-[3], предположительно дом 212. На табличку не смотрела, вроде бы так. Это здание бывшего психоневрологического диспансера, одноэтажное. Туда свозили людей неофициально. Я туда попала после задержания полицией, после трех недель в здании не работавшего на тот момент ИВС поселка Веселое недалеко от Мелитополя. Потом меня с мешком на голове привезли вот в это здание, поместили в отдельную комнату.

Ольгу и Геннадия я увидела примерно в конце августа[4] — точно не могу сказать, но знаю, что мой

день рождения 16 сентября мы встречали вместе. В смысле, охранник разрешил нам пообщаться. Ольга сидела в другой комнате, Геннадий — с мужчинами, тоже в другой комнате. Сначала помещали людей в одиночные комнаты, вот такие же маленькие, как вот я здесь [нахожусь]. И только через несколько дней мы смогли, забирая ужин, увидеть друг друга.

Когда я ее [Ольгу] увидела, она была в тонком летнем сарафане такого желто-зеленого, болотного цвета, и ее руки и ноги выглядели точно так же, она была вся избита. Она сказала, что и спина такая же, но раздеваться, снимать длинное, до пола, платье не стала. Ей наш охранник Арсен передавал мазь, чтобы мазать [гематомы], и Геннадий тоже, потому что эта мазь была раньше у мужчин в комнате. Она была жутко избита. Про Геннадия я знаю, что ему там пытались зубы[5] — то ли руками, то ли чем-то — выломать.

Впервые от Ольги мы узнали, что, оказывается, мы не задержаны официально. Я к тому времени уже сидела с 29 мая в ожидании, что, ну вот, сейчас разберутся и выпустят. И только в начале сентября или в конце [августа] узнали, что мы, оказывается, нигде не числимся. Что это так называемая яма, а вроде как мы сидим дома, находимся дома».

Адвокат Ольгердт спросила, была ли Левченко в «яме» очевидцем насилия в отношении Ольги Капраловой.

«Смотрите… Очевидцем из запертой комнаты сложно быть. То, что я видела на ней следы избиений…

Она предполагает — потому что тоже была то ли в мешке, то ли в маске, — она предполагает, что били бутылкой с водой. Она не знает, чем били, просто предполагает. Те из нас, кого пытали, свидетелями [пыток других] не были. Наверное, до конца октября[6]

мы были вместе. Примерно месяца два с половиной, может быть, до ноября. Я же не думала, что это все понадобится. Думала, что разберутся, выпустят, потому ничего, естественно, не записывала, это только по памяти.

Ольга сидела сначала в комнате с другой женщиной, молодой женщиной — Викторией Рощиной. Виктория умерла по пути на обмен в августе 2024 года[7], по-моему. Потом Ольгу

пересадили в другую комнату, рядом с нами. А Геннадий был с мужчинами, там их было человека четыре или пять. Некоторых я знаю точно с именами, фамилиями, отчествами и порой даже днями рождения, потому что я как творческий человек даже делала некоторым открытки с днем рождения. Если бы я знала, по какому поводу меня сюда приглашают, я бы взяла медальку из фольги, которую Геннадий — тоже как творческий человек — сделал мне как творческому человеку, там написано: "Ира Умелые Ручки". Ее каждый раз пытаются отобрать у меня на всех шмонах, выкидывали, но я ее спасаю».

Адвокат Ольгердт: «Давайте вернемся к событиям того времени, когда вы находились вместе с Ольгой Капраловой. Вы ее увидели в этом платье, сарафане избитую. Появлялись ли у нее новые синяки?».

Левченко: «Не помню. Может быть, ближе к концу, когда она на какой-то момент исчезла из поля зрения. Нам же никто ничего... Мы жили за закрытыми дверями».

Адвокат просит свидетельницу описать помещение, в котором ее держали.

«Одноэтажное здание. По-моему, это раньше был психоневрологический диспансер, итого комнат двенадцать. Старенькое очень здание, может быть, пятидесятых-шестидесятых годов. В одной комнате жил наш единственный охранник Арсен, сорокалетний дагестанец из Махачкалы. Другая была кухней. Оля несколько дней, неделю даже, была волонтершей [на кухне], когда предыдущего волонтера увезли. А потом товарищи из ФСБ сказали: "Вам на кухне не надо [находиться]". А я для Оли за эти дни успела сшить даже фартучек. И ее с кухни убрали, [хотя] она готовила очень вкусно.

Были комнаты побольше и поменьше, с этой [внутренней] стороны [дверей] не было никаких ручек, естественно, все были сняты. С обратной стороны нас запирали. Окна были, евроокна, но они зарешечены, и с обратной стороны этот Арсен в конце июня закрасил их черной краской, насколько это возможно было, представляете, через мелкую решетку. То есть какие-то кусочки там было видно».

Когда адвокат спросила, разрешалось ли узникам диспансера выходить из своих комнат, Ирина рассмеялась.

«Что?! Что вы говорите? Мы все были заперты. Единственное, мужчин вообще выпускали раз [в сутки] утром, чтобы они сходили в туалет и умылись, и они ходили с баклажками. Мужчинам это проще, тут все люди взрослые. Еще когда я поступила 29 мая, я как женщина старше его [охранника] на 20 лет, попросила его: можно, кроме утра и вечера (когда мы получали баланду и два куска хлеба), выпускать в туалет еще в течение дня? Утром был чай с печеньками, а вечером — баланда. И он женщин — ну, такой человек он, добрый более-менее — мог в течение дня выпустить, когда мы стучали, просились в туалет сами. Понимаете, мы в бутылочку ходить не можем. Со мной была еще женщина чуть младше меня, тоже Ирина, у нас стояла трехлитровая баночка с крышечкой в пакетике. У Оли — другая баночка в другой комнате, соседней. Мы могли постучать, если только он не уезжал куда-то, на штаб или на базар за продуктами и сигаретами... Но иногда мог у себя там лежать, смотреть телевизор или мобилку, мы могли долго стучать. Простите за такие подробности — я только так могу объяснить, как было на самом деле».

Отвечая на вопрос адвоката, Левченко сказала, что ни ей, ни другим узникам диспансера не объясняли, почему их там удерживают. О том, что секретной тюрьмой заправляют сотрудники ФСБ, однажды проговорился сам охранник.

«Об этом говорил Арсен. Фамилию его я, к сожалению, не запомнила. Когда мы по его просьбе прибирались у него в комнате, он показывал: на стене висела благодарность от губернатора Евгения Балицкого. Я в свое время работала сначала в одном издании журналистом у Евгения Балицкого[8], потом

в другом. И да, я видела фамилию этого Арсена, она дагестанская, и я не запомнила. Потом я ему еще заполняла документы: он продавал свои "Жигули", надо было заполнить аккуратно. Я тогда писала, знаю его, допустим, день рождения, знаю, что из Махачкалы, знаю, как зовут маму, что есть сестра, как зовут дочку, но фамилию, увы, привести не могу. И это он нам рассказывал».

В последних числах августа 2023 года пьяные силовики ради развлечения устроили в диспансере массовое избиение узников, продолжила Левченко.

«Это было 30 или 31 августа, было полнолуние как раз. И вдруг мы вечером слышим шум, мат, крики. Потом там из мужских камер слышно было нестройное пение российского гимна. Криков было много, могу потом подробнее еще рассказать.

Арсен нам сказал, что это у фээсбэшников то ли профессиональный праздник, то ли какой-то: они выпили, приехали развлекаться. И вот они ходили по комнатам, один из них был одет в рясу, видимо, от какого-то батюшки, и с лопатой, спрашивал: "Хотите причаститься?". Среди нас был сорокалетний батюшка из Токмака Константин Максимов[9], он

наивно взял и сказал: "Да, хочу" — и получил лопатой. По спине [ударили] моего мужа, которого содержали со мной, только в другой комнате. Кого по спине, кого по пятой точке. Одному из мужчин, волонтеру на тот момент, Владимиру, вообще сломали два ребра. Арсен сказал: "Они могут делать что угодно. Даже если убьют кого, им за это ничего не будет"».

Однако женщин во время этого избиения не тронули, возможно, благодаря охраннику по имени Арсен.

«30 или 31 [августа], когда ходили вот эти — ну, я так и скажу, представители ФСБ, — наши камеры были последними. Они шли с дальнего края к нам, и мы слышали и мат, и крики, и все прочее. Мы с Ириной сидели — две взрослые женщины, мне 60 и ей около — обнявшись и страшно боялись, что сейчас придут к нам. Ольга была в крохотной комнатке напротив. И уже после того, что она пережила — она одна, мы-то вдвоем, — она была в шоке и потом нам рассказывала об этом. Когда они дошли до нашей комнаты, спросили, кто там, он ответил, вот именно с акцентом: "Тут женщины, а тут Оля". Оля рассказывала, что она чуть чувств не лишилась, потому что, ну, тут просто женщины, а там — Оля. И она представила, что откроется дверь и опять будет вот этот кошмар. Но Арсен не открыл».

«Возили ли Капраловых в суд для избрания меры пресечения?» — спросила адвокат Ольгердт.

«Нет. Если бы их увезли для избрания меры пресечения, то больше их уже не вернули бы. Это называется "поднять из ямы"».

У Геннадия Капралова Левченко заметных следов побоев не видела, но запомнила, что тот хромал. «Он мужчина, он с нами не бывал. Во-вторых, он же был одет. Не могу точно вспомнить. Знаю, что зубом это не ограничилось».

Тогда адвокат Светлана Сидоркина по просьбе Капралова уточнила, видела ли Левченко синяки у

него на лице. Журналистка ответила утвердительно: «Следы были, да. Понимаете, я сейчас не могу поддакнуть, под правым или под левым [глазом]. Потому что там много нас было с разными синяками. Знаю, что Ольга переживала все время, что Гену били. Знаю, что избиения были».

Уже под конец допроса адвокат Сидоркина спросила, знает ли Левченко, кто избивал Капраловых.

«Понимаете, нам никто не докладывал [имен]. Когда меня возили пытать током, люди [были] в масках, без бейджиков и без визиток — кто нас пытал? Они не представляются, не называют ни имен, ни фамилий, не называют места своей службы, подразделения, звания. Поэтому увы. Людей я видела, но они были в масках. Я недавно направила заявление в Следственный комитет с подробным описанием, насколько это возможно. Одного из двоих людей, если опознавать, я бы опознала — у него особенные глаза. Помните молочные голубые бутылки? Вот если разбить такое стекло... Они [глаза] царапающие. Он выше меня. Когда он еще раз приезжал к нам в "яму" и была открыта моя комната — меня выпускали в туалет в этот момент, — он узнал меня, он назвал меня по имени и что-то там спросил, типа: "Как дела?". Догадываетесь, как дела? Он в тот момент был без головного убора, у него торчали светло-русые волосы. Знаете, когда шапку мужчина снимает — а это был, видно, август, жарко, — то короткие волосы стоят торчком, а они [у него были] именно сантиметра полтора.

На одном из судов благодаря моему адвокату судья был вынужден записать, что меня пытали, и потом

якобы проводилась проверка. "Якобы" — это как: мне дали вот такое количество места, чтобы я от руки написала про вот эту пытку. Мне в ответ потом пришло три с половиной печатных листа, что в мае в Веселом еще не работал ИВС, что фамилию мою не помнят. Так меня и не спрашивали. Меня и мужа запихнули туда, раздели догола, одели, запихнули в комнату. И у меня только за дверями просто сменялся охранник — один, другой, и периодически кормили. [Писали] что сейчас везде все оборудовано камерами, что каждый день приходит проверяющий и чуть не в попу целует всех. Никто не помнит Левченко, и такого быть не могло, потому что только с сентября работал ИВС. Мои объяснения рукописные — и три с половиной листа печатных, как это не могло [произойти]».

Последним вопрос Левченко задал гособвинитель. Он поинтересовался, с какой целью ее пытали: «Они что-то конкретное требовали, применяя насилие, или просто били, чтобы бить?».

«Это вы меня спрашиваете?» — переспросила свидетель. «Да», — подтвердил прокурор.

«Смотрите, обошлось без оскорблений и унижений. Слава Богу, меня, в отличие от других женщин, не раздевали и не приделывали контакты к интимным местам. У других такое было. Только руки-ноги. Они требовали: "Говори правду". Я рассказывала всю правду, тем не менее написали так, как думают они. Ноги примотали к ножкам офисного стула — вот у меня сейчас такой же стоит, а руки были связаны сзади, и к ним контакты [подведены]. На глазах — повязка, замотанная скотчем. Один сидел напротив

меня: пока еще не замотали, я видела обратную сторону монитора. Второй сидел где-то за моим плечом. Я-то как человек просвещенный думала, что на самом деле меня вели и сказали: "Мы приехали, привезли полиграф, вас проверят на полиграфе". И я наивно зашла отвечать всю правду на полиграфе. Вместо полиграфа были сильные удары током, я несколько раз — не менее пяти, дальше я не считала, остановимся на пяти, — я просто взлетала с этим примотанным ко мне стулом. После того как тебя так вот терзают, уже подпишешь что угодно».

«Спасибо, Ирина Юрьевна, что дали показания столь подробные. Больше мы вас не задерживаем», — закончил допрос судья.

«Можно идти домой?» — моментально нашлась Левченко.

Адреса для писем

287527, Донецкая Народная Республика[10], г. Мариуполь, ул. Каменская, д. 52, СИЗО-2, Левченко Ирине Юрьевне 1961 года рождения
344064, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Тоннельная, д. 4, ФКУ ГУФСИН по Ростовской области СИЗО-5, Капралову Геннадию Геннадиевичу 1964 года рождения
346408, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Украинская, д. 1, ФКУ ГУФСИН по Ростовской области СИЗО-3, Капраловой Ольге Анатольевне 1973 года рождения
Работает сервис ZT

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Государственная измена. Вменяется только гражданам России.

2. Шпионаж.

3. В 2016 году переименована в Интеркультурную.

4. Капраловых задержали 21 августа 2023 года.

5. Геннадий Капралов в суде говорил, что ему выбили верхние зубы.

6. Согласно показаниям Капралова, его держали в диспансере до 24 ноября.

7. Российское Минобороны в официальном ответе отцу Виктории Рощиной называло датой смерти 19 сентября 2024 года.

8. Балицкий владел несколькими региональными СМИ, включая телеканал и радиостанцию.

9. Сейчас он осужден по делу о шпионаже и отбывает 14 лет в колонии строгого режима.

10. Чтобы письмо дошло до получателя, адрес придется написать именно так.